

Раздел II

РОССИЯ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ ПЕТРА I

Глава 7

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ

§ 1. Борьба придворных партий за власть

Бурная реформаторская деятельность, проникшая во все поры экономической, социальной, политической, общественной и культурной жизни, со смертью Петра Великого как бы застыла, будучи застигнутой врасплох. Внезапная смерть главы абсолютистского государства парализовала прежде всего инициативу верховных органов государственного правления. Наступила так называемая эпоха дворцовых переворотов. На вершине воздвигнутого гигантскими усилиями преобразователя дворянского государства началась мелкая мышьяная возня в виде борьбы скоропалительно формирующихся дворцовых партий за власть.

Однако сама действительность подсказывала логику объединения этих партий. С одной стороны, постепенно концентрировались элементы, издавна враждебные преобразованиям первой четверти века, недовольные режимом власти, окружением царя, с другой – внезапно потерявшие опору сподвижники Петра, люди, которых создало это бурное время. Размежевание шло вокруг вопроса о престолонаследии. Из претендентов на трон по мужской линии был лишь один внук Петра I, сын царевича Алексея Петр Алексеевич (будущий Петр II). По женской линии наибольшие шансы имела последняя супруга Петра, так называемая «Мариенбургская пленница» Екатерина Алексеевна Скавронская. Несмотря на жестоко наказанную царем интригу с представителем семейства Монсов (Виллим, брат Анны, был казнен), жена покойного царя сохранила свое влияние и вес как коронованная супруга государя. По свидетельству Г. Ф. Бассевича, в канун коронации Екатерины Алексеевны Петр, в присутствии канцлера Г. И. Головкина, Феофана Прокоповича и некоторых других, заметил: «Назначенная коронация имеет более важное значение, чем сколько думают. Я венчаю Екатерину императорскою короною для того, чтобы сообщить ей права на управление государством после себя...». И тем не менее ситуация оставалась неопределенной.

Немало способствовал неясности общей обстановки и указ 5 февраля 1722 г., отменивший старые порядки престолонаследия и утвердивший в закон личную волю завещателя. Вечно враждовавшие между собой деятели петровской эпохи на время сплотились

вокруг кандидатуры Екатерины. Здесь был прежде всего талантливый полководец и незаурядный стяжатель «светлейший князь» Александр Меншиков, рассчитывавший при новой государыне вновь обрести влияние и вес. Здесь был и великий умница и весельчак, генерал-прокурор П.И.Ягужинский, и канцлер Г.И.Головкин, и кабинет-секретарь вечный трудяга А.В.Макаров; наконец, такие фигуры, как П.А.Толстой, старый адмирал Ф.М.Апраксин, глава Синода Феофан Прокопович, И. И. Бутурлин.

Вокруг внука Петра группировались главным образом представители родовитой феодальной аристократии, теперь уже немногочисленные боярские фамилии.

Усилия А.Д.Меншикова и П.А.Толстого в пользу Екатерины были поддержаны гвардией. Придворная гвардия — Семеновский и Преображенский полки — в этот период представляли собой наиболее привилегированную и щедро оплачиваемую прослойку армии. Однако наиболее важное обстоятельство — ее социальный состав. Оба полка были сформированы преимущественно из дворян. Причем дворянами были не только офицеры, но и огромное большинство рядовых. В частности, при Петре I в лейб-регimente среди рядовых одних лишь князей было до 300 человек. Вооруженное дворянство при императорском дворе было важным орудием в борьбе придворных группировок. Социальное единство всех этих прослоек было важным обстоятельством, облегчавшим так называемые дворцовые перевороты.

Воцарение Екатерины I. Итак, вопрос решила в первый, но далеко не в последний раз гвардия. В ходе совещания в одной из дворцовых комнат речь П.А.Толстого в пользу Екатерины была шумно поддержана присутствовавшими здесь гвардейскими офицерами. Барабанный бой за окном возвестил о прибытии обоих гвардейских полков. Высокомерный фельдмаршал Н.Репнин воскликнул: «Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал?» В ответ на это Иван Бутурлин, подполковник Семеновского полка, громко заявил: «Я велел придти им сюда, по воле императрицы, которой всякий подданный должен повиноваться, не исключая и тебя!» Агитация в полках за Екатерину, уплата жалования за 1,5 года, денежные раздачи увенчались полным успехом. Фельдмаршал Н.Репнин в конце концов заявил о поддержке императрицы, канцлер И.Головкин также высказался за новую самодержицу. Сопротивление прекратилось. Был составлен акт, подписанный Сенатом и высшими сановниками. Вопрос о престоле был решен. Так был впервые опробован немудреный механизм дворцового переворота, который, как мы увидим далее, с небольшими модификациями еще неоднократно исправно служил тому, кто овладевал его рычагами.

Воцарение Екатерины I означало прежде всего усиление власти Александра Меншикова. Уже в марте 1725 г. саксонско-польский посланник Лефорт писал: «Меншиков всем ворочает». Ему были прощены денежные растраты, отдан еще один город. Однако честолюбивый фаворит мечтал и требовал звания генералиссимуса.

Наследница Петра I, умевшая укрощать страшные припадки гнева своего грозного супруга, поднимавшаяся от роли простой «метрессы» до положения близкого друга Петра I, женщина, умевшая жить всеми интересами и помыслами своего мужа, быть и царицей, и походной женой офицера-воина, очутившись на престоле, явила свою полную беспомощность.

Первые активные действия императрицы были связаны исключительно с давним планом устройства дочек-царевен, родившихся до брака. Уже вскоре после похорон Петра I была выдана замуж за голштинского герцога Карла-Фридриха старшая дочь Анна Петровна.

В донесениях французского посланника Кампредона отразились настойчивые, хотя и бесплодные, усилия заботливой матери выдать замуж за французского короля Людовика XV, либо, на худой конец, за принца крови другую дочь — Елизавету Петровну. Тем временем сплоченность партии Екатерины I с утверждением ее на троне мгновенно улетучилась. «Светлейший князь» А.Д.Меншиков явно подминал под себя других. Уже 31 марта Павел Иванович Ягужинский прибежал в ярости в Петропавловский собор к гробу Петра I излить свои жалобы на Меншикова. Среди представителей фамилий Голицыных, Долгоруких, Репниных, Апраксиных было постоянное брожение, могущее дать начало политическому движению в пользу внука Петра. Наконец, против всесилия А.Д.Меншикова роптали и сенаторы. Выход из этой сложной ситуации был найден ловким и изворотливым П.А.Толстым. По его предложению при императрице был создан Верховный Тайный Совет.

Идея совета сама по себе была не нова. Еще в последние годы правления Петра I был создан Тайный Совет для более оперативного руководства главы государства. Однако теперь роль его должна была быть иная. При слабости положения Екатерины I на троне значение деятельности будущего Совета неизбежно возрастало. По свидетельству саксонско-польского посланника Лефорта о его создании поговаривали уже в мае 1725 г., но указ появился лишь 26 февраля 1726 г. Председателем Совета назначалась сама царица, членами его были Ф.М.Апраксин, А.Д.Меншиков, П.А.Толстой, Г.И.Головкин, А.И.Остерман и Д.М.Голицын. Вскоре к общему неудовольствию в Совет был введен и герцог голштинский, зять царицы, ставший вместе со своим министром Г.Ф.Бассевичем играть видную

роль в придворных делах. Практически делами Совета руководили три наиболее влиятельных фигуры: А.Д.Меншиков, Г.И.Головкин и А.И.Остерман.

Вновь созданный Совет буквально облегчил царицу «в тяжком ее правительства бремени». Это было несомненным фактическим ограничением ее власти. Вместе с тем Совет умалил и значение Сената, так как отныне предписывалось без ведома и санкции Тайного Совета «никаким указом прежде не выходить». Тайный Совет вел надзор «над всеми коллегиями и прочими учреждениями». Таким образом, все важнейшие нити государственного управления были сосредоточены в этом учреждении.

Поручив виднейшим сановникам государства собрать и представить письменные мнения о государственных делах и желаемых переменах, Екатерина нашла усладу и утеху в личной жизни и разнообразных развлечениях. В течение всех этих лет по лаконичному замечанию французского посланника Кампредона, царица «ведет очень неправильную жизнь». Невиданная роскошь, празднества, пиры стали постоянным явлением царского двора.

Непрочный трон в руках женщины усилил своекорыстные стремления временщиков, устраивавших свои дела. Уже в июле 1725 г. саксонско-польский посланник Лефорт в сердцах писал: «Невозможно описать поведение этого двора: со дня на день не будучи в состоянии позаботиться о нуждах государства, все страдают, ничего не делают, каждый унывает и никто не хочет приняться за какое-либо дело, боясь последствий». Хотя на ектениях маленького Петра упоминали только после цесаревен, честолюбивый А.Д.Меншиков, понимая растущую популярность малолетнего внука Петра, пустился со всеми ухищрениями и интригами в погоню за, казалось, совершенно фантастической мечтой женить мальчика на своей дочери Марии. В ход были пущены все средства вплоть до подкупа за 30 тыс. червонцев фаворитки Екатерины I некоей Анны Крамер. Довольно быстрому согласию Екатерины I на этот брак способствовало и желание умалить значение Петра как претендента на трон.

Так или иначе, но Меншиков добился, казалось бы, невозможного — помолвка Марии с внуком Петра I была предрешена. Торжество Меншикова ускорило его разрыв с П.А.Толстым, прошлое которого было неотделимо от смерти царевича Алексея, отца малолетнего Петра. Понимая опасность этой оппозиции, «светлейший князь» с помощью одной из гнуснейших провокаций уже в момент предсмертной болезни царицы, так называемым «делом Девиера», политически уничтожил П.А.Толстого, И.И.Бутурлина и др. Временщик был вновь на коне!

В начале мая 1727 г. на третьем месяце болезни Екатерины I решался вопрос о престолонаследии. Итогом его был известный «тестament» Екатерины, который вместо ослабшей царицы был публично подписан за нее дочерью Анной. В этом своеобразном документе наследники разбиты были на три группы: а) Петр Алексеевич и будущие потомки его, б) Анна Петровна и будущие потомки ее, в) Елизавета Петровна и ее будущие потомки. И, наконец, старшая сестра маленького Петра — Наталья Алексеевна. Переход престола от первого наследника к последующим обуславливался бездетностью. Этот проект, зачеркнувший указ Петра I, был компромиссом между сторонниками Петра Алексеевича и его противниками. Дмитрий Михайлович Голицын и его приверженцы уже готовы были даже женить Петра Алексеевича на Марии Меншиковой, т.к. иного для него пути на престол не видели. В «тестamente» было оговорено, что малолетний Петр становится государем лишь в 16 лет, а с вступлением на престол дает обеим царевнам откупного по 1,5 млн. червонцев каждой, вкупе с мамиными бриллиантами. Таков был итог циничного торга дворянской верхушки.

Воцарение Петра II. В мае 1727 г. Екатерина умерла от «фомиков» в легких (по-видимому, от туберкулеза) и на престол взошел одиннадцатилетний мальчик Петр II. Временщику А.Д.Меншикову. теперь уже было нетрудно принять из рук мальчика, к тому же величавшего его «батюшкой», желанный сан генералиссимуса, как нетрудно уже было и совершить помолвку мальчика с Марией, получившей и титул, и двор, и содержание в 30 с лишним тысяч в год.

Однако, Меншиков, желавший закрепить свои позиции в кругах старой феодальной знати немного промахнулся, дав незаметное начало тому ходу событий, которое привело его потом к гибели. Он приблизил ко двору Долгоруких. «Светлейший» сделал, в частности, князя Ивана Алексеевича Долгорукого товарищем малолетнего Петра по играм, а его отца, князя Алексея Григорьевича Долгорукого, поставил во главе двора сестренки Петра II Натальи Алексеевны.

Наспех получив кое-какие начатки образования, Петр II лишь очень короткий период занимался плодотворно под руководством А.И.Остермана. Ранняя половая зрелость, влияния, которым был подвержен мальчик, привели к тому, что главным интересом его жизни стала не учеба, а отнюдь не детские забавы и игры. Немало этому способствовал и благодушный, но, видимо, беспутный повеса князь Иван Долгорукий.

Мальчик и его сестра скоро стали избегать требовательного и строгого Меншикова. Немало, видимо, этому способствовал умный и вкрадчивый воспитатель Петра Андрей Иванович Остерман, под большим влиянием которого была и сестренка мальчика великая

княжна Наталья. Приступы чахотки, одолевшие Меншикова, еще больше способствовали этому отдалению. Довершило дело раннее, но сильное увлечение Петра II своею теткой — семнадцатилетней рыжеволосой красавицей Елизаветой Петровной.

Так или иначе, влияние Меншикова падало с возрастающей быстротой. Сначала мальчик-царь не являлся на приглашения к праздникам в доме Меншикова, а кончилось тем, что последовал арест генералиссимуса. Могучая натура Меншикова не выдержала — его хватил удар, правда, не слишком опасный. 9 сентября 1727 г. указом Петра II, который был составлен коварным А.И.Остерманом, все семейство Меншикова ссылалось в свое Раненбургское поместье, что под Рязанью. Через месяц огромные владения временщика были конфискованы (свыше 90 тыс. крепостных, города Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп, Батурин, имения в России, Польше, Австрии, Пруссии), в его петербургских дворцах изъято около 5 млн. рублей наличными, огромное число драгоценностей, конфисковано около 9 млн. рублей в английском и голландском банках. Сам «светлейший князь» был отправлен с семьей в далекую сибирскую ссылку в Заполярье, в крепость Березов на одном из притоков р. Оби. Уже и прежде страдавший открытой формой туберкулеза, Меншиков недолго протянул в ссылке и умер 12 ноября 1729 г. По словам Феофана Прокоповича, «этот колосс из пигмея, оставленный счастьем, которое довело его до опьянения, упал с великим шумом». Это был в сущности еще один дворцовый переворот с традиционным механизмом действия.

24 февраля 1727 г. в Москве Петр II был торжественно коронован. Положение новых фаворитов было официально оформлено. Князь Иван Долгорукий был сделан оберкамергером. Его отец Алексей Григорьевич и князь Василий Лукич Долгорукий, виднейший дипломат петровской эпохи, были назначены членами Верховного Тайного Совета, а князь В. В. Долгорукий и Ив. Ю. Трубецкой — фельдмаршалами.

Новые фавориты, новые кутежи и пиршества, новые развлечения... Князь Иван увлек молодого императора новой забавой, ставшей вскоре буквально страстью Петра II. То была охота. При дворе были заведены гигантские псарни от 400 до 800 собак. За императором на охоту выезжало до 500 экипажей. Иностранные послы в своих депешах изливали жалобы по поводу долгих (до 50 дней) и частых отлучек молодого царя. С февраля 1728 г. до ноября 1729 г. охота занимала 243 дня, т.е. 8 месяцев из 12. Великолепные охотничьи угодья вокруг Москвы привлекли царствующего мальчика и он остался на неопределенное время в Москве. Разумеется, временщики не тянули государя ни в Петербург, ни к государственным делам.

Английский посланник Клавдий Рондо в июле 1729 г. писал: «Вблизи государя нет ни одного человека, способного внушить ему надлежащие, необходимые сведения по государственному управлению, ни малейшая доля его досуга не посвящается совершенствованию его в познании гражданской или военной дисциплины».

Логика развития событий повела Долгоруких туда же, куда и Меншикова. С той же дерзостью возник проект женитьбы тринадцатилетнего Петра II на красивой 17-летней дочери князя Алексея Григорьевича Екатерине. Пылкого не по летам мальчика, видимо, несложно было завлечь. И вот после одной из долгих охотничьих поездок, где были и дочери Долгоруких, 30 ноября 1729 г. в зале Лефортовского дворца в Москве состоялось обручение. Круг замкнулся. Но свадьбе помешала поистине трагическая случайность. На церковный праздник Водосвятия 6 января император прибыл, видимо, недомогая. По свидетельству современников, был крепчайший мороз. Легко одетый в военную форму, Петр застудился и итог был трагичным и неожиданным — зловещая оспа скрутила мальчика в 2 недели и он умер 18 января 1730 г.

§ 2. Кондиции 1730 г. и бироновщина

И снова началась возня вокруг престола. Петр II еще лежал на смертном одре, а судорожно хватавшиеся за соломинку временщики Долгорукие готовы были на подлог, благо князь Иван, как выяснилось, обладал великолепным почерком Петра. На предварительном совещании в ночь на 19 января князь Алексей Григорьевич Долгорукий, по свидетельству Феофана Прокоповича, представил «якобы Петра II завет, прежде кончины своей от него написанный, которым будто бы он державы своея наследие невесте Екатерине укрепил». Попытка эта провалилась, «яко весьма непристойное и смеха достойное». Долгорукие к захвату власти не были готовы, слишком внезапна была смерть Петра II.

Верховный тайный совет к моменту смерти императора довольно сильно изменился в своем составе, пополнившись представителями старой феодальной аристократии. На «восьмиличном», как его назвал Феофан Прокопович, совещании пятеро представляли семейства Долгоруких и Голицыных, поэтому их влияние было заметным. Именно поэтому в числе кандидатов на престол первенствовали потомки старшего брата Петра, Ивана. Из потомков же самого Петра I была предложена кандидатура Елизаветы, все еще не вышедшей замуж. Вследствие этого, ее кандидатура была, казалось бы, наиболее подходящей. Однако ее не поддержали.

Наконец, все тот же многоопытный князь Дмитрий Михайлович Голицын красноречиво убедил в том, что вдова герцога Курляндского Анна Ивановна — кандидатура наиболее подходящая.

В самом деле — все, как будто, устраивало феодальную аристократию в Анне Ивановне. Средняя дочь царя Ивана, умная по природе, но не получившая никакого, в сущности, образования, 17-ти лет она была выдана замуж за герцога Курляндского, будучи одной из деталей в грандиозном плане балтийских «альянсов» Петра I. Почти сразу овдовев, Анна 19 лет практически безвыездно прожила довольно скромной жизнью в Курляндии. Материально герцогиня зависела от русского двора, а сама Курляндия служила постоянным объектом борьбы между Россией, Швецией, Польшей и Пруссией. За это время у Анны Ивановны была возможность выйти замуж за графа Морица Саксонского, но ее планы разрушил коварный Меншиков. К моменту выбора ей было уже под сорок, а место мужа прочно занял давний фаворит Э.И.Бирон.

Когда присутствующие на совещании «верховники» сошлись на кандидатуре Анны Ивановны, Дм.М.Голицын незаметно приступил к самому сокровенному звену своего маневра. Его речь окончилась, казалось бы, туманным, восклицанием: «Воля, ваша, кого изволите, только надобно нам себе полегчить». — «Как себе полегчить?» — спросил тут кто-то. «Так полегчить, чтоб воли себе прибавить», — был ответ Голицына. Видимо, представители феодальной аристократии в конце концов поняли в чем дело. После недолгих споров было приступлено к составлению «кондиций» или «пунктов», ограничивающих власть новой государыни.

История оставила нам даже отдельные штрихи процесса составления знаменитых «кондиций». Позже, по приказу Анны Ивановны, секретарь Верховного тайного совета В.П.Степанов подробно описал ход этого заседания: «Приказывать стали писать пункты или кондиции. И тот и другой сказывали так, что я не знал, что и писать, а более приказывал иногда князь Дмитрий Михайлович (Голицын), иногда князь Василий Лукич (Долгорукий). Увидя сие, что за разными приказами медлитца, Гаврило Иванович (Головкин) и другие просили Андрея Ивановича (Остермана), чтобы он, яко знающий лучше штиль, диктовал... И потом он, как штиль весть, сказывал, а пункты более диктовал Василий Лукич». Таким образом, хотя некоторые источники создание «кондиций» приписывали Д.М.Голицыну, видимо, «дитя» это было плодом совместных усилий.

Итак, что же такое «кондиции»? Какова социальная, классовая подоплека этого движения?

Проект ограничения самодержавной власти. 20-е годы XVIII столетия были временем острейшего напряжения социальных классовых противоречий. Стремительные преобразования петровской эпохи требовали огромных материальных и людских ресурсов, что в конечном итоге сказывалось на положении крестьянства, усугубленном невиданной волной неурожая. Массовое бегство крестьян, волнения работных людей и приписных крестьян, появление "разбойных" отрядов все это вкупе с острым финансовым кризисом и кризисом государственного управления ставило вопрос о путях решения всех этих проблем. Различные прослойки господствующего сословия подходили к этим вопросам с узкоэгоистических позиций и видели выход лишь в решении вопроса о форме правления при неизменном социальном строе. Феодалская аристократия тяготела к ограничению самодержавия, видя в этом залог того, что "впредь фаворитов, ... от которых все зло происходило", не будет, что "отселе счастливая и царствующая Россия будет". Чиновно-дворянская верхушка тяготела к тому же. Но дворянство в целом, как оказалось, было сторонником самодержавия, абсолютной власти, ибо только в нем оно видело залог своего господства над крепостными. Иногда движение 1730 г. называют "конституционным". Однако оно имело лишь внешнее сходство с буржуазным конституционным движением, ибо в стране, где господствовал исторически обусловленный полурабский труд, а слой свободных товаропроизводителей только зарождался, конституционное движение являлось иллюзией. Это было чисто феодалское движение и притом феодалской верхушки. Права и власть императрицы предлагалось весьма существенно сократить. Согласно "кондициям" она не могла решать вопросы войны и мира, назначать высших чиновников, жаловать имущество дворянам и лишать без суда их имений, шляхетского статуса и самой жизни, не могла командовать войсками, вводить новые налоги и т.д.

Итак, когда согласие на кандидатуру Анны Ивановны было получено на совещании Верховного Тайного Совета, Сената, Синода и генералитета с представителями гвардии и коллегий, составленные "кондиции" решено было направить в Митаву к Анне Ивановне. В качестве представителя "верховников" отправился искусный дипломат Василий Лукич Долгорукий.

Надо сказать, что в Москве в это время было огромное стечение представителей знати и рядового дворянства. (Ведь должна была быть свадьба Петра II, а не похороны!). "Затейка" верховников каким-то образом стала известна более широкому кругу, хотя "верховники" предпочли не оглашать "кондиций", заручиться сначала согласием Анны Ивановны, а потом уже выдать это за ее добровольное желание. Нашлись желающие предостеречь Анну, но последняя, дабы приехать в Москву, сочла возможным подписать

"кондиции" и, выпросив 10 тысяч подъемных, отправилась в путь. В Москве тем временем обстановка накалялась. По словам Феофана Прокоповича: «Куда не прийдешь, к какому собранию не пристанешь, не иное что было слышно, только горестные нарекания на осмиричных оных затейщиков. Все их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие». Великолепный полемист, Феофан и сам весьма враждебно относился к "затейке" верховников. Он был, наряду с Антиохом Кантемиром, богатейшим князем А.М.Черкасским и В.Н.Татищевым, одним из активных оппозиционеров. Уже в январе 1730 г. появился проект "оппозиции" верховникам, "сочиненный обществом". В нем предлагалось упразднить Верховный тайный совет, а на его место поставить Сенат из 30 человек, где бы императрица была председателем и имела 3 голоса. Видимо, здесь сказалось влияние чиновно-дворянской верхушки, которая была не прочь ограничить самодержавие, но гораздо больше опасалось власти "верховников". Вражда к верховникам повлияла и на рядовое дворянство, поначалу примкнувшее к проектам "оппозиции".

1 февраля прибыл гонец из Митавы и привез "кондиции", подписанные Анной, и ее письменное согласие: «По сему обещаю все без всякого изъятия содержать. Анна.» Наконец, верховники осмелились теперь обнародовать свой проект. 2 февраля был собран Верховный тайный совет, Сенат, Синод и генералитет и оглашены "кондиции" и письмо Анны. "Кондиции" были читаны дважды. Реакция была очень сдержанной, а подписать протокол отказались — решили все обдумать сначала. Феофан Прокопович мастерски описал обстановку совещания: "Сим тии, которые вчера великой от сего собрания пользы надеялись, опустили уши, как бедные ослики... И дивное всех было молчание!". И нельзя было не бояться: «понеже в палате оной, по переходам, в сенях и избах многочисленно стояло вооруженное воинство». И все-таки главный вопрос верховникам был задан: «каким образом впредь то правление быть имеет». В ответ решено было желающим подать мнения.

В течение последующих дней стали появляться дворянские проекты, рождавшиеся в жарких спорах. 5 февраля поступило "мнение 39 дворян" во главе с А.М.Черкасским.

Потом появились другие проекты. Всего было подано, согласно новейшим исследованиям, 7 проектов, которые подписало в общей сложности свыше 400 дворян. Большинство из них мирилось с ограничением самодержавия в лице Верховного тайного совета, но только при условии его расширения до 12—21 члена, избираемых неким собранием из 80—100 чел. В других проектах, в частности, в проекте А.М.Черкасского, Верховный тайный Совет совсем упразднялся, а основное место предоставлялось Сенату в составе

21—30 членов. Все проекты поддерживали идею выборности членов Сената и высших учреждений от "общества", т.е. дворянства. Некоторые проекты предлагали важнейшие государственные вопросы решать "общим советом" правительству, генералитету и шляхетству.

Узкословный характер всех проектов бросается в глаза, так как ни один из них не затрагивает вопроса о положении и правах крестьянства. Лишь два проекта робко намекали на желательность облегчить положение купцов. Во многих дворянских проектах звучали призывы отменить злосчастный закон о единонаследии, ограничить срок дворянской военной службы, дать сроки выслуги лет и т.п. "Верховники" же заботились о льготах для знати. Отсюда и резкое осуждение "верховников".

10 февраля Анна прибыла под Москву, в с. Всесвятское. Почти тотчас к ней явились гвардейцы Преображенского полка и кавалергарды. Прием был очень милостивым: Анна не поленилась каждого угостить чаркой и объявила себя полковником преображенцев и капитаном кавалергардов. Оба полка выразили "величайшую радость и удовольствие". Деталь эта весьма важна. Видимо, Анна знала с чего нужно начинать. Узнав об этом, верховники встревожились. К тому же на их приеме во Всесвятском при вручении ордена св. Андрея Анна Ивановна подчеркнуто сама одела орден на себя.

Торжественный въезд Анны в Москву состоялся 15 февраля. Затем верховники постарались изолировать ее во дворце от представителей дворян. Василий Лукич Долгорукий "как дракон" сторожил ее. Меж тем брожение среди дворянства, упорство "верховников" привели к подаче 25 февраля 1730 г. Анне петиции с просьбой рассмотреть дворянские проекты для выработки единого. По совету сметливой сестрицы Екатерины, герцогини Мекленбургской, Анна подписала петицию, но обратила внимание на бурное неодобрение гвардейцев, коленопреклоненно призывавших ее стать самодержицей. Оценив ситуацию, Анна тут же публично распорядилась, чтобы гвардейская охрана дворца подчинялась только генералу С.А.Салтыкову.

Это был весьма расчетливый ход. Дворянству дали до смешного малый срок (до обеда!) для обсуждения проектов. Кончилось тем, что после обеда Анне был предложен текст за подписью князя Ивана Трубецкого, князя Григория Юсупова, князя Алексея Черкасского, Григория Чернышева и других (166 подписей), где рекомендовалась самодержавная форма правления, уничтожение Верховного тайного совета, восстановление правительствующего Сената с 21 персоною и выборность высших чинов дворянством с утверждением императрицей. При подаче петиции произошла перепалка В.Л.Долгорукого с А.М.Черкасским, в коей Черкасский публично заявил, что верховники составили "конди-

ции" без согласия дворянства. Анна вдруг страшно удивилась, как будто впервые узнала об этом, и театрально воскликнула, обращаясь к Василию Лукичу: "Как, разве пункты, которые вы мне поднесли в Митаве, были составлены не по желанию целого народа?" Услышав же дружное "нет" всех присутствующих, Анна с гневом воскликнула: «Так, значит, ты меня, князь Василий Лукич, обманул?!" Тут же был послан Маслов, секретарь Совета, за "кондициями" и письмом Анны, и документы были публично порваны.

Таков финал этого скоропалительного движения кругов феодальной аристократии за олигархический строй. Анна Ивановна стала самодержицей. И снова, как и в прошлом, немалую роль здесь сыграла придворная гвардия.

Уступки верховной власти и ее месть. Однако, новая государыня была достаточно умна, чтобы учесть требования дворянства, выявленные в бурные дни февраля 1730 г. Верховный тайный совет был ликвидирован. Вскоре, правда, возник при императрице так называемый Кабинет из трех министров. С 1735 г. указы Кабинета вновь были приравнены к именным указам, т.е. он стал напоминать Верховный тайный совет. Сенат в соответствии с проектом был доведен до состава в 21 персону (правда, никакое "общество" его не выбирало!). В 1730 г. был отменен указ о единонаследии, запрещавший дробить дворянские поместья между наследниками. С 1736 г. был ограничен 25 годами срок дворянской службы. Наконец, было учтено и стремление дворян не служить рядовыми, а поступать на службу офицерами. Для этого в 1731 г. был создан Сухопутный шляхетский корпус, по окончании которого присваивались офицерские звания, а затем — Морской, Артиллерийский и Пажеский корпуса.

Не забыла Анна февральские дни и по другим причинам — «верховники» должны быть наказаны! Расправа началась не сразу. На первых порах Голицыны даже получили пожалования от новой царицы. Быть может, Анна понимала еще, что Голицын отстоял именно ее среди многих претендентов. Что же касается Долгоруких, то у них сразу были отобраны драгоценности, награбленные из казны в переполохе болезни и смерти Петра II. Потом началось так же, как с Меншиковым. Сначала Долгорукие получили назначения губернаторами и воеводами в отдаленные края (Сибирь, Астрахань, Вологда). Внезапно во исполнение решения их отправили в дальние собственные поместья. Через короткое время новые изменения — ссылка в Березов, Пустозерск, Соловецкий монастырь и т.д. Затем состоялась конфискация имущества и, наконец, по доносам в 1739 г. для оставшихся в живых Долгоруких было заведено новое "дело": их жестоко пытали и казнили в Новгороде (Ивана Алексеевича Долгорукого четвертовали, Ивану и Сергею Григорьевичам и Василию Лукичу отрубили головы). Дмитрий Михайлович Голицын, как будто забытый,

долгое время жил под Москвой в с. Архангельском. Но вот, в 1737 г. по какому-то навету его сажают в Шлиссельбургскую крепость, где старец и погиб.

В.О.Ключевский дал Анне Ивановне ядовитую, но чрезвычайно меткую характеристику: «Рослая и тучная, с лицом более мужским, чем женским, черствая по природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-прусско-польской игрушкой, она, имея уже 37 лет, привезла в Москву злой и малообразованный ум с ожесточенной жадной запоздалых удовольствий и грубых развлечений».

Увеселения при Анне достигли буквально фантастических масштабов. Это была бесконечная вереница праздников, балов и маскарадов, каждый из которых мог продолжаться до 10 дней подряд. Содержание двора стало обходиться впятеро-вшестеро дороже, чем при Петре I. Беспреданно меняющиеся костюмы, крикливая роскошь стали общей чертой двора. Кабинет-министр при императрице А.П.Волынский, отнюдь не франт, в своем гардеробе одних французских камзолов имел до 25, да "27 жилетов парчевых, шелковых, бархатных, вышитых серебром и золотом с бриллиантовыми застежками на иных". Однако показная роскошь имела и весьма суровую обратную сторону. Ведь русская знать того времени по сути была бедна. Богатый обычно являл свою роскошь прежде всего сытными пирами, за которыми были обильные столовые припасы. Но на бесконечные наряды нужны были деньги, а их никогда не было. Обычно, как пишет С. М. Соловьев, "не щеголяли переменным платьем, не стыдились по старине носить платье отцовское и материнское". Теперь же все иначе. А где взять? Выход был только в продаже деревень или в повышении их доходности.

Испанский посланник дюк де Лирия пишет: «Я был при многих дворах, но я могу вас уверить, здешний двор своею роскошью и великолепием превосходит даже самые богатейшие, потому что здесь все богаче, чем даже в Париже". Английский посланник Клавдий Рондо писал своему начальству: «Ваше превосходительство, не можете вообразить себе до какого великолепия русский двор дошел в настоящее царствование, несмотря на то, что в казне нет ни гроша, а потому никому не платят". Любительница шутовских драк, диких шутовских свадеб, езды на козлах и пр., Анна завела шутов из знатнейших феодальных фамилий (князь М.А.Голицын, князь Н.Ф.Волконский, граф А.П.Апраксин), низведенных до этого положения за какие-то проступки. В обществе Анны постоянно крутились всякого рода приживалки, юродивые, шутихи, рассказчицы, без умолку болтавшие возле царской постели. Во дворе Зимнего дворца был заведен тир и "охота". Сюда для любительницы пострелять привозили и волков, и медведей.

Из причудливых развлечений двора той эпохи наибольшую известность получила свадьба шута князя М.А.Голицына, дошедшего к тому времени до состояния близкого к идиотизму, состоявшаяся зимой 1740 г. в знаменитом ледяном доме. Для дикой “шутовской” свадьбы были привлечены талантливейшие мастера и умельцы, создавшие шедевр безделицы, потрясший тогдашние умы. На Неве между Зимним дворцом и адмиралтейством был построен из чистого льда целый дворец, который, по свидетельству русского академика Г.Крафта, «гораздо великолепнее казался, ежели когда бы он из самого лучшего мрамора был построен». Высота его около 7 м., длина около 20 м. "Все украшения зодчества, статуйки, рамы и стекла в окнах, столы, стулья, кровать с постелью, печи словом, все внутренние приборы и разная посуда, множество безделушек были сделаны из льда". Перед дворцом стоял слон, из хобота которого бил фонтан горячей нефти, львы, изрыгающие пламя, деревья с листьями, мортиры, пушки все было ледяное. Разумеется, интереснейшее творение исчезло бесследно почти тотчас после его создания.

Бироновщина. Наиболее часто употребляемая характеристика царствования Анны Ивановны может быть выражена одним словом — "бироновщина".

С воцарением герцогини Курляндской, по образному выражению В.О.Ключевского, "немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении". Во главе этой иноземной корпорации, состоящей главным образом из прибалтийских дворян, стоял фаворит Эрнст-Иоганн Бирон (измененное от Бирен), с 1718 г. служивший при курляндском дворе Анны Ивановны.

При Анне Ивановне Бирон находился в зените власти, ибо царица всецело была под его влиянием. Не занимая официальных государственных постов, Бирон фактически направлял всю внутреннюю и внешнюю политику России. Его фавор отмечен грубым произволом, массовыми арестами и пытками, взяточничеством и казнокрадством, засильем разного рода проходимцев из числа прибалтийских немцев.

Императрица была буквально тенью своего фаворита. Вкусы Бирона были ее вкусами. Бирон не любил мрачные темные цвета и весь двор, начиная с императрицы, одевался в пестрые, светлые тона, вплоть до старцев вроде Остермана. Бирон обожал лошадей — и императрица полюбила их и даже научилась гарцевать амазонкой. Императрица наводнила Курляндию русскими войсками, когда "убеждала" курляндское дворянство выбрать Бирона герцогом Курляндским, дабы исполнить его желание. В хищениях и произволе Бирон шел по стопам Меншикова и Долгоруких. У супруги Бирона, бывшей фрейлины Анны Ивановны, одних драгоценностей было на сумму свыше двух миллионов чер-

вонцев. Не теряли времени даром и подручные Бирона. Его ближайший доверенный Липман, придворный банкир, открыто продавал должности в пользу фаворита и занимался ростовщичеством на паях с Бироном.

На первый план выдвигаются такие фигуры как братья Рейнгольды и Карл Левенвольде, К.Л.Менгден, И.А.Корф, Г.К.Кайзерлинг, Г.Р.Ливен, К.Бреверн, Штемберг и др. Видимо, желая укрепить свое положение, Анна Ивановна создает третий лейб-гвардейский Измайловский полк. Сам полк был сформирован князем М.М. Голицыным из малороссийской мелкой шляхты, но офицерские кадры для него поручено было набрать графу Карлу-Густаву Левенвольде, полковнику новосозданного полка, "из лифляндцев, эстляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев и из русских". По свидетельству французского посланника Шетарди, к концу царствования Анны Ивановны все три гвардейских полка, находились под начальством иностранцев: фельдмаршала Миниха, герцога Брауншвейгского, генерала Кейта и генерала Густава Бирона. Конногвардейцы были под командой наследного принца Курляндского. Великолепно знавший механизм дворцовых переворотов, Шетарди пояснял: «Эта гвардия... составляет здесь главную опору власти, поэтому она вся поручена ведению иностранцев, чтобы на нее более можно было полагаться».

По словам В.О.Ключевского, "над кучей бироновских ничтожеств высились настоящие заправилы государства, вице-канцлер Остерман и фельдмаршал Миних", поскольку фаворит не утруждал себя государственными делами. Правительственный курс при Анне определял А.И.Остерман. Вопросы военные сосредоточил в своих руках фельдмаршал Б.Х.Миних (выходец из семьи ольденбургского инженера, он с 1721 г. находился на русской службе, руководя строительством Ладожского канала).

Для бироновщины помимо чрезвычайно характерного презрения к представителям российского дворянства и засилья иностранцев присуща обстановка полного произвола. Повсюду рыскали шпионы, ложные доносы губили любого, кто попадал в стены Тайной канцелярии. Тысячи людей гибли от жесточайших пыток. Произвол чинили и местные правители. В армии царица жесточайшая палочная дисциплина и муштра по прусскому образцу. И все это на фоне непосильных поборов, голода и нищеты народных масс. Уродливые черты бироновщины вызывали в среде дворянства, особенно его верхушки, глубокое недовольство режимом. Еще в 1730 г. наблюдательный английский посланник Клавдий Рондо писал: «Дворянство, по-видимому, очень недовольно, что ее величество окружает себя иноземцами». Недовольство возрастало.

Дело Волынского. Вскоре вокруг одного из преуспевающих политических деятелей этого времени бывшего астраханского и казанского губернатора, а ныне кабинет-министра Артемия Петровича Волынского стал собираться своего рода кружок недовольных. Среди близких А.П.Волынскому так называемых "конфидентов" были советник экипаж-мейстерской конторы и горный офицер А.Ф.Хрущев, президент коммерц-коллегии П.И.Мусин-Пушкин, архитектор П.М.Еропкин, обер-прокурор Сената Ф.И.Соймонов. Энергичный талантливый администратор, А.П.Волынский быстро выдвинулся по служебной лестнице и с 1738 г. стал кабинет-министром. Вскоре он стал ведущей фигурой кабинета и чуть ли не единственным докладчиком императрице. К моменту так называемого "дела" А.П.Волынский трудился над проектом государственных реформ, получившим название "Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел". В кругу "конфидентов" часто обсуждались в связи с этим различные аспекты государственной деятельности и внутривластной жизни, высказывались весьма резкие суждения о засилье иностранцев, ("они вникнули в народ, яко ядовитые змеи, гонящие народ к великой нищете и вечной гибели."). Сам А.П.Волынский скоро стал в весьма натянутых отношениях и с Бироном, и с Остерманом. Будучи в придворном чине обер-егермейстера, А.П.Волынский уволил из конюшенного ведомства двух немцев, чем дал начало активному наступлению своих противников. В ответ на жалобы А.П.Волынский написал на имя Анны Ивановны письмо, представляющее своего рода кредо по вопросу об иностранцах в России: «Какие притворства и вымыслы употребляемы бывают при ваших монаршеских дворах, и в чем вся такая закрытая безсовестная политика состоит". Не называя имен, автор довольно ясно намекал на существование группы людей, и прежде всего Остермана, целью которых было "на совестных людей вымысленно затевать и вредить..., дабы тем кураж и охоту к службе у всех отнять". Вызов таким образом состоялся, т.к. все в один голос говорили, что Волынский написал про Остермана. Одно шло к другому. Письмо было встречено очень холодно. Так случилось, что на "ледяной свадьбе" Волынский избил придворного поэта; потом нашли, что Волынский незаконно выдал своему дворецкому из конюшенного ведомства пятьсот рублей. Но дело довершило другое. В кабинете шло обсуждение вопроса о денежной компенсации Польше за проход русских войск во время русско-турецкой войны. Поляки заломили высокую сумму. Бирон поддержал их, поскольку, будучи герцогом Курляндским, являлся вассалом Польши. Вспыльчивый Волынский заявил, что "не будучи ни владельцем в Польше, ни вассалом ее, не имеет побуждений угождать исстари враждебному России народу". Таким образом, Бирон был сильно уязвлен и он поставил Анне ультиматум: «Либо он, либо я". Вскоре состоялся арест дворец-

кого Волынского и его самого. Дворецкий под пытками передал все когда-либо высказанные Волынским и его "конфидентами" недовольствия иностранцами, а главное хулу на императрицу: "Государыня у нас дура, и как докладываешь, резолюции от нее никакой не добьешься!" Последовали аресты "конфидентов". Было объявлено о раскрытии огромного заговора. Аресты распространялись и на провинцию. После недолгого следствия с жесточайшими пытками последовал приговор и казнь на Сытном дворе. Там А.П.Волынскому отрезали язык, отрубили правую руку, а потом голову, П.М.Еропкина и А.Ф.Хрущева обезглавили, другим "урезали" языки и отдали в каторгу. Так погибли один из наиболее ярких политических деятелей той эпохи и его соратники.

§ 3. Дворцовые перевороты середины века

Осенью 1740 г. императрица, уже давно страдавшая мочекаменной болезнью, серьезно занемогла, возбудив толки о будущем российского престола. Правда, вопрос о самом наследнике престола уже был как будто решен. Еще задолго до этого момента один из приближенных Анны, К.Левенвольде, был послан по европейским дворам присмотреть жениха для племянницы Анны Ивановны — мекленбургской принцессы Анны Леопольдовны (до крещения в 1733 г. она именовалась Елизавета Екатерина Христина как дочь Екатерины Ивановны и герцога Мекленбург-Шверинского).

Так в России появился 19-летний принц Антон-Ульрих Брауншвейгский, где его приняли на службу и после нескольких лет закалки в военных действиях с Турцией женили летом 1739 г. на царицыной племяннице, весьма недалекой, флегматичной, хотя и милостивой девушке. 12 августа 1740 г. появилось на свет дитя, с пеленок именуемое Иваном Антоновичем. Анна Ивановна сама была его приемницей и именно в нем видела будущего наследника престола. Французский посланник Шетарди писал в предсмертные часы Анны Ивановны: «Я вижу, что здешний народ близится к моменту освобождения от ига иностранного министерства, чтобы подчиниться господству иностранной династии».

Главный же нерешенный вопрос был в другом — кому быть регентом до того, как младенец станет мужчиной. Именно это занимало головы виднейших сановников Анны Ивановны. Сами родители младенца в качестве возможных кандидатур не фигурировали, хотя некоторые иностранные послы предполагали Анну регентшей. Ближайшие же подручные Бирона постепенно склонялись к мысли назначить регентом его, так как сам Бирон весьма стремился к этому.

Кабинет-министры А.П.Бестужев (выдвиженец Бирона) и князь А.М.Черкасский убеждали сенаторов в целесообразности этой кандидатуры. Б.Х.Миних, трезво оценивая

ситуацию, видимо, не возражал, а А.И.Остерман, как всегда в таких случаях, был болен и отлеживался дома. Сама же императрица, подписав поднесенный ей манифест о наследнике, вопрос о регентстве не поднимала. И только, когда медик, португалец Рибейра, объявил о безнадежном положении царицы, давно заготовленный и обсужденный в кругу высших сановников (ставленников того же Бирона) манифест о регентстве Бирона был подан умирающей императрице на подпись. Анна Ивановна дважды откладывала подписание манифеста, но, в конце концов, после беседы с принесенным к ней в кресле хитрым и осторожным подагриком А.И.Остерманом манифест был подписан.

Регентом стал Э.И.Бирон. Подвластный ему Сенат на другой день преподнес ему титул высочества и полмиллиона рублей в год. Впереди были 17 лет полного господства, ибо Иван Антонович, по манифесту, должен был стать совершеннолетним лишь по истечении этого срока. Если с младенцем что-нибудь случится, наследниками должны стать его братья, а регентом опять тот же Бирон. Все, казалось, было прочно, на "законном основании"... Однако давно зревшее недовольство временщиком не угасло, а все более разгоралось. Уже вскоре после назначения регента вокруг принца Антона-Ульриха стали собираться недовольные. Это были в основном гвардейцы Семеновского полка, подполковником которого он был. Однако недовольство было быстро подавлено, виновные наказаны. Принцу Антону-Ульриху публично в Сенате зловещим А.Ушаковым была прочитана мораль, а в итоге принц подал в отставку со всех постов. И тем не менее у временщика не было никакой опоры ни при дворе, ни в гвардии, которой командовали, казалось, верные ему иностранцы.

И действительно, регентство Бирона продолжалось до смешного короткое время — 3 недели! 8 ноября, никто иной, как честолюбивый фельдмаршал Миних и его адъютант подполковник Манштейн, вступив в контакт с Анной Леопольдовной и вырвав у ее благословение, с группой гвардейцев в 80 чел. ночью приступили к Летнему дворцу, где жил Бирон. Охрана дворца, человек 300, не препятствовала заговорщикам, и Манштейн с двумя десятками солдат легко проник в спальню временщика. Разбуженный регент пытался сопротивляться, но быстро связанный офицерским шарфом, в накинутой солдатской шинели был доставлен в Зимний дворец.

Таков был еще один дворцовый переворот, при котором пал зловещий временщик, ловкий интриган и деспот, пославший тысячи людей на смерть и пытки.

С падением Бирона взаимная грызня придворной клики не прекратилась. Муж вновь объявленной правительницы принц Антон-Ульрих теперь постоянно жаловался, что он — генералиссимус, а все дела идут по-прежнему через честолюбивого Миниха. Пого-

варивали и о том, что А.И.Остерман, этот виднейший и опытнейший государственный деятель, остался также недовольным, так как первым министром стал Б.Х.Миних, а ему Остерману, дали лишь чин великого адмирала.

Весьма существенную роль играла и внешнеполитическая ориентация Б.Х.Миниха. Почти одновременно с Анной Ивановной скончался другой европейский скипетродержатель австрийский император Карл VI. Назрела война Австрии и Пруссии, которая решила захватить у Австрии Силезию. Фельдмаршал Миних настоял на нейтральной позиции России в предстоящей войне за "австрийское наследство". Больше того, фельдмаршал добился заключения с Пруссией союза в декабре 1740 г. Это вызвало неудовольствие в придворных кругах, включая и Брауншвейгскую чету, которая держала сторону Австрии. В итоге правительница издала указ, где полномочия Миниха были резко сокращены. Б.Х.Миних остался недоволен, заговорил об отставке, будучи уверенным, что ее не примут. Но отставку все-таки приняли и фельдмаршал оказался не у дел. Теперь старый А.И.Остерман стал первым. Но тотчас началась новая борьба. Обозначался и основной соперник Остермана — вице-канцлер граф М.Г.Головкин. К тому же Анна Леопольдовна также установила с Остерманом прохладные отношения. Один лишь принц Антон-Ульрих все еще подчинялся его влиянию.

Дворцовый переворот Елизаветы. Тем временем полным ходом развивалась придворная дипломатическая интрига, главным вдохновителем которой был французский посланник маркиз Шетарди. Он прибыл в Россию с заданием, любыми средствами содействовать войне России и Швеции, кроме того французская дипломатия пыталась втянуть Турцию в войну с Россией. Франция в войне за "австрийское наследство" была союзницей Пруссии и стремилась укрепить прусский тыл, подогревая реваншистские устремления шведских правителей. Однако подробнее об этом будет речь в другой главе. Сейчас нам важно отметить, что в феврале 1741 г. Шетарди получил задание подготовить "дворцовый переворот" в пользу Елизаветы Петровны.

Интрига с Елизаветой началась с помощью ее придворного лекаря Лестока, который связал ее с Шетарди. Вскоре присоединился и другой партнер, шведский посланник Нолькен. Оба дипломата усиленно делали вид, что из-за Елизаветы готовы объявить войну Швеции с Россией, где (подумать только!) Швеция вступит защитницей наследия Петра I. Из донесений Шетарди явственно выступает весьма сдержанная линия поведения Елизаветы, которая то и дело "охладевала" к замыслам переворота. Летом 1741 г., когда переговоры подошли к решительной стадии, а Швеция уже объявила войну России, Елизавета стала требовать обещанного ей шведского манифеста, где было бы объявлено, что

война идет за освобождение русского престола от иностранцев. Елизавете нужны были и деньги — 15 тыс. червонцев. Шетарди всячески избегал денежного вопроса, туманно обещав лишь 2 тысячи. Манифест от имени главнокомандующего действующей армией Левенгаупта все же был издан, однако практического распространения он не получил.

Оба дипломата вытягивали из будущей императрицы письменное обещание льгот для Швеции, имея в виду главное — территориальные уступки. Надо сказать, что такового обязательства Елизавета упорно не давала и переговоры уже шли на убыль. Этому способствовал и проницательный А.И.Остерман. В октябре 1741 г. он, чувствуя недоброе, уже требовал, чтобы Шетарди был отозван французским правительством. Наконец, в конце ноября 1741 г. сама правительница Анна Леопольдовна имела "крупный" разговор с Елизаветой, где было обращено внимание на частые посещения Шетарди дома Елизаветы и дан совет прекратить эти встречи. Это был тревожный сигнал. Но это было не самое опасное, ибо переговоры с дипломатами и так были бесплодными. Дело в том, что Елизавета с помощью Лестока постепенно приводила в порядок традиционный механизм дворцовых переворотов — придворную гвардию.

С молодых лет отличавшаяся весьма вольным поведением принцесса Елизавета была в тесном контакте с гвардейцами, дружа с красавцами-гренадерами. Великолепно сложенная, живая, веселая и, как говорили, ослепительно красивая, она пользовалась большой симпатией среди гвардейцев. В годы мрачной бироновщины и засилья иностранцев связи Елизаветы с гвардией крепли. Дворянская гвардия видела в ней наследницу Петра I, символ раскрепощения от господства иностранцев. Число сторонников Елизаветы среди дворян-гвардейцев росло.

И вот наступила главная опасность для предстоящего переворота. 24 ноября был отдан приказ всем гвардейским полкам (около 5 тыс. чел.) быть готовыми к выступлению против шведов, чтобы отразить их наступление на Выборг. Ближайшее окружение Елизаветы — М.И.Воронцов, А.Г.Разумовский, П.И. и А.И.Шуваловы и Г.Лесток настаивали на немедленном перевороте.

Момент был критический и Елизавета решилась. В первом часу ночи легкие сани понесли ее к гвардейским казармам Преображенского полка. Войдя туда в сопровождении преданных ей гвардейцев, Елизавета обратилась к ним с речью, содержание которой нетрудно угадать. Около 200 присутствовавших там гвардейцев присягнули Елизавете. Двадцать всадников поскакали с этой вестью в остальные казармы и полки в течение часа были собраны на дворцовой площади. Тем временем с большой группой гвардейцев Елизавета направилась к Зимнему дворцу. Отдельные отряды были посланы для ареста

А.И.Остермана, Б.Х.Миниха, М.Г.Головкина, барона Х.В.Миниха, генерал-майора Альбрехта, обер-гофмаршала К.Левенвольде и генерал-комиссара С.Лопухина, шуринов Остермана братьев Стрешневых и др. Главный отряд стремительно направился в кордегардию Зимнего дворца, неся будущую императрицу на руках. Охрана дворца, за исключением четырех офицеров, перешла на сторону Елизаветы. Легко и быстро произошел арест четы Брауншвейгской — сонные люди не оказали сопротивления. Главным арестантом стал несчастный младенец, которому было 1 год 3 месяца.

Переворот совершился. Ночной дворец осветился огнями и стал наполняться толпами знати, спешившими поздравить новую императрицу. Был собран совет, где приняли участие канцлер князь А.М.Черкасский, тайный советник Бревен, фельдмаршал И.Ю.Трубецкой, адмирал Н.Ф.Головин, генерал-прокурор Сената Н.Ю.Трубецкой, вернувшийся из ссылки А.П.Бестужев, обер-шталмейстер Куракин.

Как видно из списка, здесь были и бывшие подручные Бирона и люди, не стоявшие близко к новой императрице. Подлинные сотрудники Елизаветы были еще в тени. Совет принял текст присяги. На другой день под грохот пушек царица вступила во дворец и началось приведение гвардейских полков к присяге. А фельдмаршал Б.Х.Миних, барон Менгден, граф А.И.Остерман и граф М.Г.Головкин были заключены в Шлиссельбург.

Брауншвейгское семейство вместе с фрейлиной Юлией Менгден поначалу было отправили за границу (они уже добрались до Риги). Потом решение было внезапно изменено. Около года семейство прожило в Динамюнде (под Ригой), а затем, в январе 1744 г. отправлено в Раненбург, откуда летом того же года переведено в Холмогоры (под Архангельском). Несмотря на опалу и лишения, Анна Леопольдовна почти ежегодно увеличивала свое семейство. В Холмогорах у них было уже, не считая первенца, четверо детей (Екатерина, Елизавета, Петр и Алексей). После родов четвертого ребенка Анна Леопольдовна скончалась 28-ми лет. Здесь, в Холмогорах осиротевшее семейство прожило на полутюремном режиме до 1780 г., когда по приказу Екатерины II детей (принц Антон уже умер к тому времени) вывезли в Данию.

Судьба Ивана Антоновича. Что же касается низвергнутого младенца-императора, то в Холмогорах его изолировали от остального семейства, и он пробыл там в полном одиночестве под надзором некоего майора Миллера до 1756 г. Затем внезапно Иван Антонович был тайно переведен в Шлиссельбургскую крепость.

Долгие годы мальчик-узник рос в невыносимых условиях. По инструкции надзирателю гвардейскому капитану и его сменщику прапорщику предписывалось постоянно быть в "казарме" с арестантом. "А кроме ж вас и прапорщика, — говорилось в инструк-

ции, — в эту казарму никому ни для чего не входить... когда ж для убирания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, тогда арестанту быть за ширмами, чтоб его видеть не могли". Нетрудно понять, что в этих условиях юноша вырос физически и морально надломленным, человеком с расшатанной, болезненной психикой.

Офицерская охрана еще к тому же постоянно издевалась над ним. Это проглядывает в донесениях некоего охранника Овцына о том, что "хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался". Мальчик что-то еще смутно помнил о прошлом и в припадке гнева называл себя великим человеком, принцем. "Дня три как в лице кажется несколько почернел, — пишет перепуганный Овцын об одном из таких припадков, — и чтоб от него не робеть... воздержаться не могу; один с ним остаться не могу; когда станет шалеть и сделает страшную рожу, отчего я в лице изменюсь он, то видя, более шалит". Так продолжалось долгие годы, вплоть до 1764 г., когда при попытке Мировича освободить Ивана Антоновича, последний был убит охраной, выполнявшей инструкцию.

Итак, 28 ноября был издан манифест, обосновавший все права на престол новой императрицы. Новая государыня раздавала милости направо и налево. А.Г.Разумовский, П.И. и А.И.Шуваловы, М.И.Воронцов были сделаны камергерами.

Гвардейские офицеры всех полков и офицеры Ингерманландского и Астраханского полков получили желаемое — треть годового жалованья, солдаты Преображенского полка — по 12 тыс. руб., Семеновского и Измайловского — по 9 тыс. руб., Ингерманландского и Астраханского — по 3 тыс. руб. Гренадерская рота преображенцев была отмечена особо — получила звание "лейбкомпаний", а капитаном ее стала сама царица. Всем им пожаловано было потомственное дворянство и деревни (каждый рядовой лейбкомпаний получил по 29 душ крепостных). Итак, механизм, исправно сработавший, был, так сказать, вознагражден.

Сразу же было объявлено об уничтожении Кабинета и восстановлении в правах Сената. Сенат был обновлен, в него вошли: фельдмаршал князь Ив.Ю. Трубецкой, тайный советник А.П. Бестужев-Рюмин, обергофмейстер С. Салтыков, генерал-прокурор кн. Н.Ю. Трубецкой, обер-прокурор Брылкин, великий канцлер кн. А.М. Черкасский, адмирал граф Н.Ф. Головин и др.

Наряду со старыми выдвигались и новые фигуры. После торжественной коронации 25 апреля 1742 г. родственник царицы принц Гессен-Гамбургский стал генерал-фельдмаршалом, А.Г. Разумовский — обер-егермейстером, в графское достоинство возведены Бестужевы-Рюмины, генерал Чернышев и т.д. Однако эти выдвижения еще не остановили ожесточенной реакции против иностранцев (среди новых фигур были такие фами-

лии, как Шварц, Грюнштейн и др.) Необходим был процесс над бывшими заправилками. И он был проведен. В январе 1742 г. Б.Х. Миних был приговорен к четвертованию, А.И. Остерман к колесованию, К. Левенвольде, Менгден, М.Г. Головкин к отсечению головы. После инсценировки приготовлений к казни осужденным была объявлена милость Елизаветы: казнь заменена ссылкой Б.Х. Миниха в Пелым, А.И. Остермана — в Березов, К. Левенвольде — в Соликамск и т.д.

Интриги вокруг престола и война со Швецией. Итак, на трон взошла дочь Петра Великого. В ходе нашего изложения мы уже не раз касались облика Елизаветы. Теперь это была не юная дева, ей было уже 32 года. Она так и не вышла замуж, хотя в списке ее женихов были и Людовик XV, и герцог Шартрский, и герцог Бурбонский, и инфант дон Карлос, и граф Мориц Саксонский, и герцог Курляндский, и маркграф Карл Бранденбургский, и Людовик Брауншвейг-Люнебургский, и принц Конти и др.

По-прежнему красивая, веселая и живая, Елизавета без ума любила празднества. Мастерница танцевать, она была способна провести в танце весь бал, меняя несколько платьев кряду. Как истая женщина, Елизавета любила наряды, в ее гардеробе было около 15 тысяч платьев (дважды она их не надевала!). Новая императрица окружала себя атмосферой непрерывных маскарадов, оперных и комических спектаклей. Она любила наряжаться, особенно в мужское платье, любила сама наряжать актеров, особенно молодых людей. Русский двор теперь не видел грубых и жестоких развлечений, должность шута Елизавета устранила вскоре вовсе. Отлично владевшая французским, неплохо немецким, императрица слыла образованным человеком, хотя до конца жизни была искренне уверена, что в Англию можно проехать каретой.

Поначалу императрица старательно вникала в государственные дела. За конец 1741 и за 1742 г. она семь раз побывала на заседаниях Сената, в 1744 г. зафиксировано уже только 4 посещения. Несмотря на внешнюю простоту поведения, Елизавета была далеко не простодушна и не легко подчинялась влияниям. Не сразу, например, были подобраны кадры на важнейшие государственные посты. Почти тотчас же по вступлении на престол Елизавета снова подверглась сильнейшему дипломатическому давлению со стороны Франции. С воцарением дочери Петра на престоле Швеция не прекратила войны, разоблачив тем самым всю фальшь своего лозунга борьбы за наследников Петра I.

Однако Елизавета, поставив вопрос о войне согласно пресловутому манифесту Левенгаупта, объявила, что отныне причины для войны нет и просила французского посланника Шетарди о посредничестве. На первых порах Шетарди так и поступил, уговаривая Левенгаупта прекратить войну, но быстро получил нагоняй из Версаля. Сделав голово-

кружительное “сальто”, Шетарди объявил теперь Елизавете истинные причины войны Швеции — реванш за поражение от ее отца. Теперь он угрожал ей уже шведским оружием, если не будет требуемых территориальных уступок. Одна из влиятельнейших и самых близких к Елизавете фигур, лейб-медик Г.Лесток употребил все свои силы, дабы склонить Елизавету к выгодному Франции решению. Ведь недаром Лесток, не в пример абсолютно бескорыстному А.И. Остерману, получал так называемую "пенсию" от французского короля в 15 тыс. ливров ежегодно.

Шетарди и Лесток решили привлечь нового вице-канцлера Алексея Петровича Бестужева. Однако А.П. Бестужев в присутствии Елизаветы проявил мужество и решительно заявил Шетарди, "что он заслуживал бы смертную казнь, если бы стал советовать уступить хотя бы один вершок земли — надобно вести войну!"

На помощь Шетарди прибыл бывший шведский посланник Нолькен. Напор на Елизавету возрастал. Позиции были неравны, так как, по словам Бестужева, «медик имеет возможность говорить с нею по целым часам наедине". И тем не менее Елизавета приняла сторону А.П. Бестужева — военные действия со Швецией были продолжены. Вернув из ссылки и облегчив участь жертв бироновского режима (в частности, были восстановлены в чинах В.В. и М.В.Долгорукие), Елизавета рискнула вместе с тем смягчить участь и Э.И.Бирона, переселив его из сурового Пельма в Ярославль. Окружив себя преданными ей людьми, постоянно покровительствуя гвардии и бывая на пирушках лейб-компаний, Елизавета, видимо, ни на минуту не забывала о существовании Ивана Антоновича. Почти тотчас по восшествии на престол, она вызвала в Россию своего племянника герцога Голштинского Карла-Петра-Ульриха.

Роковые заботы императрицы о странном племяннике. Герцог был то самое "кильское дитя", призрак которого витал при воцарении Анны Ивановны, и тот "чертенок", о котором с беспокойством вспоминала Анна Леопольдовна. Карл-Петр-Ульрих прибыл в Россию в феврале 1742 г. 14-летним мальчиком. Это был противовес свергнутому Ивану Антоновичу. Это было и исполнение знаменитого "тестамент" матери Елизаветы. Правда, по "тестаменту" герцог Голштинский имел первенство перед Елизаветой как потомок Анны Петровны, но он тогда был неправославным. Теперь же Елизавета крестила мальчика и, став Петром Федоровичем, он приобрел все, так сказать, права на престол. Уже 7 ноября 1742 г. он был официально объявлен наследником. Назначение было неожиданностью для всего окружения Елизаветы. Об этом знали лишь Лесток, Брюммер (гофмаршал герцога) да новгородский архиепископ Амвросий Юшкевич. В таких делах Елизавета не советовалась. Первое стремление добросердечной императрицы освободить

Брауншвейгское семейство сменилось потом твердым решением отправить их в неизвестность.

Меры по отношению к низвергнутой чете были усилены после так называемого заговора де Ботта. Слух о нем разнесся по Петербургу в июле 1743 г. Дело, как оказалось, заключалось в том, что маркиз де Ботта, австрийский посланник, в кругу лиц, пострадавших от елизаветинского переворота, высказался в пользу Ивана Антоновича и, видимо, встретил словесную поддержку. Аресты и допросы охватили более десятка лиц. Это были главным образом родственники бывшего генерал-кригс-комиссара Степана Лопухина и жены Михаила Петровича Бестужева. Виновным урезали языки, либо сослали в отдаленные места. Этот заговор был великолепным поводом для Лестока погубить обоих братьев Бестужевых (что, скажем, во времена бироновщины было совсем нетрудно). Однако Елизавета твердо верила в невиновность обоих братьев и, несмотря на неоднократные нажимы, даже не сняла их с ответственных постов. Вскоре после заговора Ботта, в 1744 г. семейство Брауншвейгского принца переводят в Холмогоры, а в 1756 г. принц Иван Антонович попадает в Шлиссельбург. Веселая, добродетельная императрица, бывшая на троне 20 лет, имела постоянную привычку засыпать лишь на заре, даже тогда, когда этот образ жизни стал сказываться на цвете ее лица, и это при ее буквально болезненном отношении к своей красоте. К этой привычке примыкала и другая странность: Елизавета обожала, чтобы перед сном ей щекотали пятки, что часто длилось до самого утра. Видимо, страшны были ночи царственных особ в эпоху дворцовых переворотов.

Поставившая было с помощью нового окружения все на серьезную основу, Елизавета с течением времени государственным делам уделяла все более ничтожное время. Высшие чиновники буквально изнывали от простоев в делах, проистекавших от вихря удовольствий, в котором кружилась эта государыня. Бумаги лежали годами. Известно, например, что ответ на письмо Людовика XV о рождении у него сына она подписала через 3 года. В какой-то мере ситуацию исправляли некоторые министры.

Фаворитизм как закономерное явление эволюции дворянского государства неизбежно развивался и при Елизавете. Фаворитом номер один был Алексей Григорьевич Разумовский. До него, правда, у Елизаветы также были фавориты (А.Б.Бутурлин, гофмейстер С.К.Нарышкин, гвардейский сержант Шубин), но певчий императорской капеллы, обладавший могучим басом и не менее могучей фигурой, надолго завоевал сердце Елизаветы. Простой черниговский казак привлек внимание Елизаветы задолго до ее восшествия на трон, сделавшись вследствие этого управителем ее имений. Фавор Разумовского был

довольно длительным. Некоторые историки потратили немало сил для доказательства тайного брака Елизаветы и Разумовского. Немало мифов и о детях от этого брака.

Так или иначе, фаворит имел немногих и недолгих соперников. Простой казак был удостоен звания фельдмаршала, ни разу не командуя даже полком. По свидетельству современников, А.Г.Разумовский обладал большой трезвостью ума и многое воспринимал с иронией и не вмешивался в политику. Не скрывая своего происхождения, он навещал своих родных и принимал их в Петербурге. Младший брат его после отбытия срока обучения в Берлине и Геттингене еще совсем юношей был заботливо устроен президентом Академии наук. Фаворит был сыном своего времени, богатство его было сказочным, но это был не Бирон. Наоборот, внешнее бескорыстие его было на устах современников. Особенно известны были его карточные проигрыши, когда жадные до денег партнеры без стыда тащили их со стола. Императрица не оставляла его вниманием и тогда, когда с конца 40-х годов у нее появился новый фаворит, юный красавец Иван Иванович Шувалов. Человек выдающегося влияния и проницательности, он был надежным помощником царицы в деловых вопросах. С А.Г.Разумовским его сближало важнейшее качество — бескорыстие. Вполне правдивы его собственные слова о себе: “могу сказать, что рожден без самолюбия безмерного, без желания к богатству, честям и знатности”. И.И.Шувалов сыграл важную роль в создании и становлении Московского университета, он был так же основателем и президентом Академии художеств.

Итак, под неустанной опекой Елизаветы находился наследник престола будущий Петр III Федорович. Императрица сживала над ним часами во время его болезней. Неугомонная попечительница стремительными темпами стала искать ему достойную невесту. Дело маркиза де Ботта и Лопухиных подстегнуло ее еще больше. Поначалу было две кандидатуры: саксонская принцесса Марианна, дочь польского короля Августа III, и София-Августа-Фредерика, дочь Ангальт-Цербстского принца. Менее знатное происхождение последней советники Елизаветы сочли более подходящим, к тому же принцесса Цербстская не была католичкой, а это для набожной Елизаветы было очень важно. Принцессе было послано 10 тыс. руб. и приглашение приехать в Россию. В феврале 1744 г. принцесса была уже в Москве, в июне ее окрестили и появилась Екатерина Алексеевна, будущая Екатерина II. Летом 1745 г. состоялась свадьба.

Суетливые заботы Елизаветы о престоле дали России довольно странного наследника. Внук Петра Великого и внучатый племянник Карла XII, Карл-Петр-Ульрих имел равные шансы быть наследником как русского, так и шведского престолов. Циничные воспитатели юного герцога, рано оставшегося круглым сиротой, старались на всякий слу-

чай создать в голове мальчика двойственное мировоззрение с одной стороны, лютеранское, с другой православное, ибо учение о религии есть составная часть мировоззрения тогдашнего человека. Подобный опыт привел к плачевным результатам. Бездарный по природе, слабый умом мальчик на всю жизнь затаил ненависть к книгам, особенно на латинском языке. Уже будучи императором, Петр III запретил держать во дворце книги на латинском. Брюммер, воспитатель Карла-Петра-Ульриха был человеком крайне ограниченным, круглым невеждой, разбиравшимся лишь в лошадях. Забитый им мальчик, а потом уже юноша, рос человеком со странной психикой и причудливыми интересами.

Здесь, однако мы должны оговориться, что для характеристики личности Карла-Петра-Ульриха историки пользуются главным образом мемуарами Екатерины II, т.е. источника явно пристрастного к этой личности. Так, Екатерина отмечает, что уже будучи женатым, он до страсти обожал кукольный театр и кукол вообще. Поздними вечерами и далеко за полночь супруг заставлял супругу играть с ним в куклы, причем это скрывалось от Елизаветы. У Петра Федоровича была и другая страсть: он любил дрессировать собак и мучил их целыми днями где попало — и на даче, и в комнатах дворца. Научившись играть на скрипке, он был способен долгими часами изводить слух окружающих его. По словам В.О.Ключевского, "его образ мыслей и действий производил впечатление чего-то удивительно недодуманного и недоделанного. На серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа. Он походил на ребенка, вообразившего себя взрослым; на самом деле это был взрослый человек, навсегда оставшийся ребенком". Петр Федорович с детства обожал прусского короля Фридриха II, но и это обожание вылилось в очередную довольно дикую странность. Великий князь мог дни и ночи напролет играть в деревянных солдатиков. Когда супруга его собралась рожать, Петр Федорович явился на помощь к ней в полной военной форме с огромной шпагой на боку. Потом у Петра Федоровича появились любовницы из фрейлин его супруги. Наследник стал часто напиваться и т.п.

Ко всему прочему, наследник престола питал отвращение к России и ко всему русскому. Сам он ходил в голштинском мундире, окружил себя голштинскими офицерами, пренебрегал русской церковью, на богослужениях мог смеяться, показывал язык священнослужителям все это, разумеется, не ускользало от внимания придворных кругов, высших государственных сановников и от самой Елизаветы. Императрица порою чисто поженски приходила в отчаяние. Однажды в беседе с австрийским послом Эстергази Елизавета жаловалась на слабость рассудка великого князя.

Император Петр III. Так или иначе, но со смертью Елизаветы, наступившей 22 декабря 1761 г., императором стал Петр III. Первым актом нового императора было прекращение всех военных действий против Пруссии. При Петре III была уничтожена злоедающая Тайная канцелярия. В развитие законодательства Анны Ивановны и Елизаветы при Петре III был принят важнейший государственный акт — манифест о вольности дворянской. В короткое шестимесячное царствование Петра III была начата секуляризация церковных имений.

Важность этих мероприятий, их немалое историческое значение для судеб дворянской империи историки давно подтвердили. Несомненно, что государственная политика при Петре III и характеристика личности этого государя находятся в довольно сильном несоответствии. Роль Петра III как личности при проведении этих указов была ничтожна. Дворянский историк М.М.Щербатов рассказал одну из ядовитейших легенд о том, как был принят манифест о вольности дворянской. Стремясь избавиться от наскучившей ему любовницы Е.Р.Воронцовой и собираясь веселиться с "новопривозною", Петр III объявил, что будет работать со своим секретарем Д.В.Волковым в особой комнате. Последнего действительно заперли в комнате и дали распоряжение подготовить какой-нибудь важный закон. Д.В.Волков собрался с мыслями, вспомнил то, о чем чаще всего говорили сановники, и написал проект манифеста о вольности дворянской. Государь же веселился с княжной Е.С.Куракиной. Разумеется, это легенда, но весьма правдоподобная.

И тем не менее Петр III был личностью глубоко несимпатичной, а его прусская ориентация, равнодушие и нелюбовь к России, к официальной русской церкви возбуждали в среде дворянства недовольство, создавая шансы для очередного дворцового переворота. Все это отлично понимала его умная супруга.

Софья-Августа-Фредерика, Екатерина Алексеевна в православии, была из рода владетелей одного из бесчисленных мелких немецких феодальных княжеств, служивших в XVIII столетии своеобразным питомником, поставлявшим саженцы для укрепления и расцвета крупнейших европейских царствующих династий. Неудивительно, что с раннего детства Екатерина готовила себя к судьбе царственной особы. Обладая природным расчетливым умом, Екатерина еще в детстве решила, как писала о том позже, что наиболее подходящая партия для нее в Европе это Карл-Петр-Ульрих, наследник российского престола. Брак по расчету, оказавшийся несчастливым и бывший, по ее уверению, фактически фиктивным около 9-ти лет, тем не менее не поверг ее в уныние и отчаяние. Волевым решением все свои силы и способности употребила, по ее словам, на достижение трех целей: "1) нравиться великому князю, 2) нравиться императрице, 3) нравиться народу", т.е.

высшему придворному обществу. Она мужественно терпела все дикие выходки своего супруга. Никто, как она, не был так старателен в выполнении обычаев православной церкви, что очень нравилось набожной Елизавете. Наконец, она была весьма скромна, тактична при дворе с его сложной сетью хитросплетений интриг. Долгое время к Екатерине, как пишет об этом она сама, относились весьма подозрительно. Однако честолюбивая молодая женщина в конце концов завоевала прочное расположение императрицы и в придворных кругах. Отлично владевшая французским и немецким, Екатерина прилежно и быстро выучилась русскому языку, хотя всю жизнь потом писала с большими ошибками. В дни одинокого супружества, она довольно много, хотя и беспорядочно, читала. Тут были и античные авторы, и довольно модные тогда французские энциклопедисты. Разумеется, образование ее оставляло желать лучшего.

Прожив долгую жизнь при русском дворе, Екатерина отлично усвоила его нравы, небезызвестны ей стали и тайные пружины власти. Когда Петр III взшел на престол, положение Екатерины стало весьма непрочным. Отношения ее с супругом, которого она, видимо, ненавидела всею душою, стали весьма прохладными. Петр III публично третировал и оскорблял ее. Придворные поговаривали о предстоящем заточении ее в монастырь и женитьбе Петра III на Е.Р.Воронцовой. В этой обстановке Екатерина постепенно собирает приводные нити старого механизма государственных переворотов. Поведение императора было настолько вызывающим, что в недовольных не было недостатка. Окончив войну с Пруссией, Петр III пустился защищать интересы своего родного карликового государства — Голштинии — и объявил из-за Шлезвига войну Дании. Он распорядился во всех российских православных церквях снять все иконы, кроме икон Спасителя и Богородицы. Он одел войска в прусскую форму, он на одном из званых обедов при великом множестве знати публично встал на колени перед портретом короля Фридриха II, называя его своим государем. Терпение дворянства лопнуло.

Дворцовый переворот Екатерины и убийство Петра III. Среди недовольных был человек, близкий Екатерине, — воспитатель ее сына Павла граф Никита Иванович Панин, известный дипломат елизаветинской эпохи, человек с большими связями и влиянием. Немалую роль в начальной стадии подготовки переворота сыграла княгиня Е.Р.Дашкова, урожденная Воронцова. Через ее мужа Екатерина устанавливала свои связи с гвардией.

Из высших сановников ей симпатизировали генерал-прокурор Глебов, генерал-фельдцейхмейстер Вильбуа, князь М.Н.Волконский, директор полиции Ник.Корф. По мнению В.О.Ключевского, большую роль в заговоре сыграл малороссийский гетман граф Ки-

рилл Григорьевич Разумовский. Он был полковником и любимцем лейб-гвардии Измайловского полка, а это, ввиду заговора, весьма важное обстоятельство. В гвардии сторонниками Екатерины являлись офицеры — преображенцы Пассек и Бредихин, братья Рославлевы и Ласунский из Измайловского полка. Наиболее активным был офицер конной гвардии 27-летний Григорий Орлов с братьями Алексеем и Федором. В конной гвардии активно действовали 17-летний унтер-офицер Г.А.Потемкин, 22-летний офицер Хитрово и др. К июню, по словам Екатерины, на ее стороне было около 40 гвардейских офицеров и до 10 тыс. солдат.

Толчком к выступлению послужила сумасбродная война из-за Шлезвига. Гвардии было приказано выступить. К тому же 27 июня из-за волнений и выкриков солдат в пользу Екатерины был арестован Пассек. Это было сигналом для активных действий. В самом Петербурге царственных особ не было. Император веселился в Ораниенбауме, а Екатерина была в Петергофе, где оба 29 июня должны были встретиться. Взбудораженный арестом Пассека Преображенский полк посылает гонца Алексея Орлова к Екатерине, который привозит ее в Петербург. В дело включились Дашкова и Панин. Был поднят Измайловский полк, в казармы которого привезли Екатерину. В присутствии самого К.Г.Разумовского солдаты присягнули новой императрице. Затем последовали в Семеновский полк. Тотчас после этого в Казанском соборе произошел торжественный молебен и в ектении была упомянута самодержица Екатерина II.

Все полки были направлены на окружение и захват караула Зимнего дворца. В нем Екатерина встретила Сенатом и Синодом, которые в полном составе присягнули новой императрице. Дело было сделано. Механизм, хорошо подготовленный, сработал четко и без осечек. При этом социальное господство помещиков России оставалось незыблемым.

Тем временем, самодовольный и ни о чем не подозревавший Петр III со своим ближайшим окружением приехал в Петергоф и вместо торжества по поводу завтрашних своих именин (29 июня) увидел опустевший старый дворец Монплеизир. Кто-то сказал, что Екатерина тайно уехала в Петербург. Петр III, недоумевая, послал гонцов разузнать, в чем дело. Это были М.И.Воронцов, Н.Ю.Трубецкой и Александр Шувалов. Их привели к присяге. По некоторым данным, М.Воронцов поначалу отказался присягать. Но, так или иначе, гонцы обратно не вернулись, и все стало ясно. Петр III решил защищаться с голштинским отрядом, но его отговорил присутствовавший там фельдмаршал Б.Х.Миних. Решено было ехать в Кронштадт. Однако, подплыв на яхте с кучкой приближенных к Кронштадту, Петр III был встречен грубым окриком коменданта Талызина, уже назначенного Екатериной. Талызин заявил, что будет стрелять из пушек, если яхта не удалится. Привыкший ко-

мандовать лишь на вахт-парадах, Петр растерялся, забился в трюм и более ничего не предпринимал. Яхта отплыла вновь в Ораниенбаум. Отсюда был выслан А.М.Голицын с предложением Екатерине разделить власть, но из этого ничего не вышло. Тогда Петр III написал отречение, войска императрицы заняли Петергоф, а вечером Петра увезли в Ропшу, где 6 июля, через 6 дней после переворота, он был удушен. В манифесте была объявлена другая причина смерти — геморроидальные колики. Естественно, участники переворота были щедро вознаграждены, как деньгами, так и "крещеной собственностью", т.е. крепостными крестьянами. Раздачи были невероятно щедрыми — по 300—800 душ крестьян. Григорий Орлов стал камергером, Алексей Орлов — майором Преображенского полка, Федор — капитаном Семеновского полка. Всем им дано по 800 душ крестьян. Княгиня Е.Р.Дашкова получила 10 тыс. руб., вскоре еще 24 тыс. руб. Гетман К.Г.Разумовский, Никита Иванович Панин, Михаил Никитович Волконский — пожизненные пенсии по 5 тыс. руб. в год. Следуя всем правилам, выработанным столь долгой практикой дворцовых переворотов, Екатерина II вернула ссыльных и опальных. 6 июля в Сенате был написан манифест о восшествии Екатерины II на престол. 1 сентября Екатерина выехала в Москву на коронацию, которая произошла 22 сентября 1762 г.

Таков был последний дворцовый переворот из серии переворотов середины века.